

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

ПИСЬМЕННЫЕ
ПАМЯТНИКИ
ВОСТОКА

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

Ежегодник

1968

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1970

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Б. В. Лунин, *Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении*. Издательство «Наука» Узбекской ССР, Ташкент, 1965, 408 стр.

Как сообщает автор в предисловии (стр. 19—22), его книга представляет собой первый том (книгу I, часть I) задуманной им обширной (по-видимому, шеститомной) работы, посвященной истории изучения Средней Азии. Б. В. Лунин известен как автор большого числа историографических работ, касающихся этой темы; список этих работ (в том числе еще неопубликованных) он сам приводит на стр. 22—24. Его новый труд, насколько можно судить по опубликованному им плану, должен стать как бы завершением и обобщением его предыдущих исследований. Данная книга¹ состоит, помимо введения, из следующих разделов: (1) «Из истории востоковедения в России и Средней Азии», (2) «Восточные рукописи. История собирания, изучения и издания», (3) «Из истории антропологического изучения Средней Азии». Уже отсюда можно видеть, что в понятие «востоковедение» автор включает и антропологию. Об этом он прямо говорит в нескольких местах в тексте (например, стр. 261: «Яркую... страницу в летописи востоковедения составляет история... антропологического изучения народов края»; стр. 303: «на некоторых направлениях работы дореволюционных востоковедов явственно сказывалось прямое влияние идей дарвинизма... как это имело место в сфере первичных антропологических наблюдений в Средней Азии»). Как показывает напечатанный Б. В. Луниным план всего издания (стр. 19, 21), он относит к востоковедению также археологию и этнографию². Востоковедение, которое некогда было «комплексной» отраслью знания, уже давно представляет собой не единую дисциплину, а совокупность научных дисциплин, к нашему времени дифференцировавшихся настолько, что сам термин «востоковедение» потерял какой-либо научный смысл и употребляется только по традиции. Однако ни ранее, ни теперь антропология к востоковедению не причислялась, а для рассматриваемого Б. В. Луниным времени (в основном с середины XIX в.) археология и этнография тоже могут быть включены в востоковедение только с большими оговорками. Уже хотя бы поэтому столь «безбрежное» понимание термина «востоковеде-

¹ Титульный лист не соответствует подлинному содержанию книги (которая касается только дореволюционного востоковедения) и не содержит указаний на то, что она является только первым томом многотомного издания; повинен в этом не автор, а существующая ныне нелепая система книжной торговли, при которой многотомные издания либо должны быть подписными, либо не должны иметь обозначения томов.

² Ср. также стр. 304, где «изучение... антропологических данных, осуществление археологических изысканий, этнографических наблюдений» названы в числе «основных направлений научно-востоковедческой работы».

ние» требовало бы специального обоснования, которого, однако, мы у Б. В. Лунина не находим. В особенности странно, что автор, объединяя в одной книге историю антропологии с историей изучения рукописей, отрывает первую от истории этнографии; зато историю этнографии, согласно его плану (стр. 19), он собирается рассматривать вместе с «филологией Средней Азии»; последняя будет объединена в одной книге с историей археологии, нумизматики, этнографии и музейного дела. Я не собираюсь здесь полемизировать с Б. В. Луниным по поводу такого рода систематизации научных дисциплин; отмечу лишь, что соединение истории антропологии с историей изучения рукописей носит, естественно, чисто механический характер и рассматриваемая книга состоит из двух совершенно самостоятельных работ. Настоящая рецензия касается только той ее части, которая посвящена собственно востоковедению (т. е. первых двух разделов).

На стр. 68 автор следующим образом формулирует свою задачу: «Задача нашего очерка — воскресить преданные забвению или малоизвестные затерянные факты, привести их в систему и дать общий обзор сложения и развития знаний по такому ценному и незаменимому источнику к истории народов Средней Азии, каким являются восточные рукописи». Далее он подчеркивает, что его книга носит «историографический и био-библиографический характер» (стр. 68), что она является «историографическим исследованием» (стр. 69). Поэтому удобнее всего будет рассмотреть книгу именно в этих двух аспектах: 1) что она представляет собой как историографическое исследование, 2) что она дает как био-библиографический справочник.

* * *

На первой странице книги автор совершенно справедливо отмечает, что «искусственная подгонка действительного хода событий под заранее установленные и надуманные социологические схемы», наряду с некоторыми другими явлениями, свойственными «годам культуры личности», отрицательно сказались на историографических исследованиях. По-видимому, Б. В. Лунин не хочет идти по такому пути; однако как раз в той части, в какой рассматриваются общеисториографические вопросы, ему не удалось отойти от надуманных социологических схем. Собственно, общеисториографическим вопросам посвящен главным образом первый раздел книги, осторожно названный «Из истории востоковедения в России и Средней Азии». Такое заглавие несомненно подчеркивает, что автор не претендует здесь на общее освещение истории изучения Средней Азии в русском востоковедении, а рассматривает только некоторые вопросы, которые кажутся ему наиболее важными. Эти вопросы названы в самом начале раздела: «Естественно, что подробное рассмотрение пути, пройденного дореволюционным и советским востоковедением, требует хотя бы краткого освещения конкретных социально-экономических условий, в которых осуществлялась деятельность востоковедов... Важно также выяснить общественный облик этих ученых, показать, чем именно была обусловлена в целом прогрессивная направленность их деятельности» (стр. 25).

Большая часть рассматриваемого раздела посвящена обоснованию тезиса (заимствованного автором у И. С. Брагинского — ср. стр. 25, 47—48), согласно которому в дореволюционном русском востоковедении преобладали прогрессивные тенденции, чем оно выгодно отличалось

от западноевропейского востоковедения. Собственно, этот тезис (нигде и никем не доказанный) принимается априорно, и все усилия автора направлены только на то, чтобы определить, чем же объясняются такие преимущества русского востоковедения. Б. В. Лунин сперва (стр. 48) заявляет, что «следует согласиться» с утверждением И. С. Брагинского (1951 г.), будто на русских востоковедов оказала влияние «революционно-демократическая мысль в России»; это, по мнению Б. В. Лунина, «тем более справедливо» (!), что революционеры-демократы интересовались историей Востока и относились с симпатией к поработанным народам³. Впрочем, тут же вслед за этим (стр. 48—49) сам Б. В. Лунин вполне справедливо сомневается в правильности этого утверждения и подчеркивает, что русские востоковеды были «весьма консервативных взглядов в сфере политики и науки и уж во всяком случае взглядов, бесконечно далеких от революционно-демократических идей передовой русской интеллигенции». Поскольку правильность основного тезиса — особой прогрессивности русского востоковедения — сомнению не подвергается, Б. В. Лунин для увиденного им противоречия (люди «весьма консервативных взглядов в сфере политики и науки» — носители прогрессивных тенденций в востоковедении) предлагает такое объяснение (которое он, правда, не считает исчерпывающим): все дело было «в той атмосфере, какая существовала в свое время в стенах Петербургского университета» (стр. 50); атмосфера эта во второй половине XIX в. определялась политической активностью студенчества и участием многих студентов в революционном движении (стр. 50—52)⁴. «Образно говоря [?], это конечное влияние передовых идей своего времени шло незримо через настроения подавляющей массы студенческих аудиторий, путем общения с передовыми учеными, составлявшими красу и гордость русской науки, при посредстве произведений прогрессивной научной, общественно-политической и художественной литературы своего времени» (стр. 53). Все это остается неподкрепленным какими-либо фактами (никакого отношения к делу не имеет приводимый Б. В. Луниным рассказ Ольденбурга о его беседе с Владимиром Ульяновым, стр. 52). Можно согласиться с мнением автора, подкрепляемым некоторыми свидетельствами, о том, что «либерально-оппозиционные настроения несомненно проникали в среду тех дореволюционных востоковедов, которые... чуждались политики» (стр. 55); но и это, конечно, основного тезиса автора (о большей прогрессивности русского востоковедения по сравнению с западноевропейским) доказать не может. Между тем этот тезис повторяется Б. В. Луниным достаточно настойчиво. На стр. 47 говорится, что, «сопоставляя общий облик и общую направленность⁵ русского и западного востоковедения» (каким образом производится эта операция сопоставления — остается неизвестным), «нельзя не видеть» (! эти слова заменяют все доказательства), что в разных отношениях «русские востоковеды (очевидно, все.—Ю. Б.) во многом... стояли выше

³ То же самое сказано уже во введении, на стр. 7 («Многовековые политические, экономические и культурные связи России со многими государствами Востока, прогрессивные взгляды и сочувственное отношение к судьбам восточных народов передовых людей России, особенно революционных демократов, предопределили преобладание прогрессивно-демократических тенденций в старом русском востоковедении...»).

⁴ Ни одного примера, относящегося к восточному факультету, при этом не приводится.

⁵ Здесь и далее разрядка в цитатах везде моя.

большинства своих западноевропейских коллег». На стр. 49 говорится, что благодаря своему уважительному отношению к народам Востока «петербургская школа востоковедения... стояла на голову выше многих представителей западного востоковедения». В заключении, на стр. 308, говорится: «Лучшие представители [! ср. выше] буржуазно-либерального направления в русском востоковедении... стояли значительно выше многих и многих современных им зарубежных востоковедов». Вряд ли есть необходимость опровергать подобного рода высказывания, несостоятельность которых очевидна даже с точки зрения элементарной логики (не говоря уже об их фактической бездоказательности)⁶. К сожалению, Б. В. Лунин не только уделил много места этим научно-патриотическим упражнениям, но и придает им, видимо, большое значение, поскольку именно этому вопросу в основном посвящено его заключение (стр. 300—308).

Мало что дает и «краткое освещение конкретных социально-экономических условий». Б. В. Лунин первую треть общего раздела (стр. 28—38) посвящает «исторической канве событий в Средней Азии после ее присоединения к России», так как только «с учетом и на фоне» «общей картины жизни» Средней Азии следует рассматривать историю ее изучения (стр. 43). Очевидно, «фон» вообще не имеет причинной связи с событиями, происходящими на этом фоне; поэтому приходится считать, что либо автор понапрасну уделил столько места тому, что он называет «фоном», либо это просто неудачное выражение (оно встречается в аналогичной связи и на стр. 95). Во всяком случае этот «фон», как и следовало ожидать, остается существовать сам по себе, и читатель не испытывает необходимости связывать с ним излагаемую далее историю собирания и изучения восточных рукописей.

Попытку связать историю науки с фактами социально-экономической истории можно видеть в принятой Б. В. Луниным периодизации. Он говорит о востоковедении предреформенного периода (стр. 95—96), о востоковедении «времени домонополистической и монополистической стадий развития русского капитализма» (стр. 58—59). При этом он сам отмечает, что, ввиду неразработанности вопроса, «общие положения [касающиеся периодизации истории востоковедения] не связаны или слабо связаны пока с реальным ходом процесса накопления востоковедческих знаний» (стр. 58). Иными словами, это означает, что эти положения не выведены из исследования фактического материала, а приняты автором в качестве априорных. Автор здесь просто заимствует распространенную в нашей историографической литературе периодизацию⁷, не заботясь о том, насколько она обоснована вообще и применительна к востоковедению в частности.

Наконец, «выяснение общественного облика» ученых также оказывается весьма слабо связанным с выяснением их «научного облика». В лучшем случае оно приводит к выводу, что консервативные политические взгляды могут уживаться с прогрессивными научными тенденциями или не отражаются на научной деятельности. Так, на стр. 91 сообщается, что В. В. Григорьев «отнюдь не был носителем прогрессивных политических взглядов, но вместе с тем [!]... был одним из выдающихся русских востоковедов XIX века». Рассуждая подобным образом,

⁶ Между тем в «Заключении» (стр. 302) автор заявляет, что к таким выводам привел его «осуществленный на страницах книги анализ [!] этого вопроса».

⁷ Ср. цитаты из книги Н. А. Смирнова на стр. 58 и 59, введенные словами «естественно, что» и «нельзя не согласиться в общем».

можно было бы также утверждать, например, что в настоящее время некоторые «носители прогрессивных политических взглядов» (из числа востоковедов) «вместе с тем» не относятся к выдающимся русским востоковедам XX века. Однако вряд ли таким способом можно способствовать выяснению путей развития науки.

Социально-экономические условия, конечно, играют большую роль в развитии всякой науки, особенно общественной. Эти условия оказывают влияние на направление научных исследований, на их организационные формы и методологию, они отчасти определяют также объем и характер материала, находящегося в распоряжении исследователя⁸. И все же, изучая только эти условия, мы не сможем получить представления о развитии самой науки, т. е. о накоплении фактического материала, об изменении задач и методов, об эволюции научных теорий и школ. Закономерности развития общества сами по себе не могут объяснить развития науки, исследование которой возможно только при уяснении ее внутренних закономерностей. Внутренние же закономерности развития какой-либо системы (а определенная отрасль науки должна рассматриваться как система) нельзя описать и исследовать при помощи понятий, лежащих за пределами этой системы. Тем более нельзя этого сделать, оперируя, как Б. В. Лунин, в сущности, всего двумя такими категориями, как «прогрессивный» и «реакционный».

До сих пор речь шла только о вступительной главе и заключении книги Б. В. Лунина, посвященных некоторым общим историографическим проблемам (как их представляет себе автор). Второй из рецензируемых разделов книги (т. е. стр. 65—260) посвящен собственно истории рассматриваемой науки. В истории всякой науки можно различить два основных процесса: процесс накопления эмпирического материала и процесс его теоретического осмысления. При освещении второго (и важнейшего для истории науки) процесса автор, по-видимому, должен был оказаться в затруднительном положении прежде всего из-за неясности самого предмета исследования. На стр. 65 этот предмет определяется как «история собирания, изучения и издания» восточных рукописей, «в данном случае — рукописей среднеазиатского происхождения или связанных своим происхождением с другими странами Востока, но содержащими [sic] те или иные сведения по Средней Азии». Поскольку это рассматривается Б. В. Луниным в одном ряду с историей таких научных дисциплин, как антропология, археология, нумизматика, этнография, филология, эпиграфика (см. стр. 19), то следует заключить, что и собирание, изучение и издание восточных рукописей Б. В. Лунин считает особой научной дисциплиной (в противном случае придется признать, что книга не имеет последовательного логического построения). Вся беда, однако, в том, что на самом деле такой научной дисциплины нет. Отчасти рассматриваемые автором вопросы входят в область археологии, но не покрывают ее; с другой стороны, «изучение восточных рукописей» в том плане, в каком его описывает автор (т. е. с точки зрения содержания, а не методов), входит составной частью во всяком случае в три различные дисциплины: историю, литературоведение и языкознание; но даже если рассмат-

⁸ Применительно к истории изучения Средней Азии анализ конкретных социально-экономических условий позволяет выяснить причины возраставшего интереса к Средней Азии в русском обществе, источники сведений о Средней Азии, обстоятельства, благоприятствовавшие или мешавшие изучению Средней Азии русскими востоковедами, и т. п. (обо всем этом Б. В. Лунин пишет, например, на стр. 94—96).

ривать востоковедение как единую комплексную дисциплину (что противоречит позиции самого Б. В. Лунина, ср. об этом выше), то и тогда «изучение восточных рукописей» нельзя считать особой областью этой науки. На стр. 65—67 Б. В. Лунин под «восточными рукописями» понимает преимущественно письменные исторические источники⁹, однако далее в своем обзоре он упоминает всевозможные сочинения — исторические, философские, религиозные, лингвистические, медицинские, произведения художественной литературы и т. д., многие из которых не имеют отношения к историческим источникам. **Говорить об истории изучения восточных рукописей «вообще», пожалуй, не намного более целесообразно, чем, скажем, об истории изучения европейских печатных книг**¹⁰.

Естественно, что характеризовать какие-либо общие закономерности развития науки, оставаясь в том круге фактов, которые рассматривает Б. В. Лунин, было бы довольно трудно. Поэтому нельзя предъявлять претензии автору за отсутствие общих историографических оценок деятельности различных ученых, отсутствие характеристики каких-либо школ и направлений. Однако мы вправе ожидать оценку трудов отдельных ученых в области изучения и издания «восточных рукописей», характеристику методов их работы в этой области, их достоинств и недостатков, их связей с теми или иными направлениями в востоковедении и т. п.

О жизни и трудах отдельных ученых Б. В. Лунин, казалось бы, говорит достаточно много. Во введении (стр. 17) он сообщает, что «уделяя в своей работе значительное внимание биографиям ряда туркестановедов, причем в отношении ученых, наиболее сложных по своей социальной противоречивости, делаются попытки критического анализа их жизни и деятельности с показом положительных и отрицательных сторон последней в свете марксистско-ленинской методологии». Уже эти слова должны настораживать читателя, так как показывают, что «попытки критического анализа» связаны не с научной деятельностью, а все с тем же «общественным лицом» ученых. Несколькими строками ниже (стр. 18) и сам автор не оставляет в этом сомнений: «Биографическая сторона дела тем более важна, что помогает полнее и глубже уяснить еще и различия в социальном облике отдельных ученых...». Очевидно, попытками «критического анализа» следует считать (помимо упомянутых выше рассуждений о Григорьеве) биографии Лыкошина (стр. 207—208) и Наливкина (стр. 405—406); но как раз здесь особенно ясно видно, что такой анализ никакого отношения к науке и трудам этих лиц не имеет¹¹.

Биографии ученых, как правило, не связываются Б. В. Луниным с оценкой их научной деятельности; поэтому они выглядят некими «вставными новеллами» не только потому, что автор выделяет их петитом. Кроме того, о деятельности отдельных ученых говорится просто об одном после другого (т. е. в лучшем случае в хронологической по-

⁹ О неправильном употреблении автором термина «рукопись» см. ниже.

¹⁰ Предметом особого рассмотрения может быть история собирания и каталогизации рукописей; можно рассматривать развитие востоковедной текстологии (о которой Б. В. Лунин ничего не говорит); можно, наконец, писать об истории издания памятников восточной письменности. Но те вопросы, которые рассматривает Б. В. Лунин, не образуют единой дисциплины в ряду других самостоятельных дисциплин.

¹¹ Следует добавить, что попытка оправдать бессмысленное преследование Лыкошина в последние годы его жизни, вызывает, мягко говоря, недоумение.

следовательности), но не об одном в связи с другим. Представления о каких-либо направлениях и научных школах это, естественно, дать не может. Автор, правда, упоминает (стр. 57—58, со слов Крачковского) о петербургской и казанской школах и о «трех основных категориях туркестанских деятелей», но в дальнейшем это приводит только к выводу, что в области исследования рукописей «плодотворно» (стр. 249) или «благотворно» (стр. 257) трудились как специалисты-востоковеды, так и «энтузиасты», «местные деятели», «востоковеды-любители». Среди «специалистов-востоковедов» Б. В. Лунин уже не считает нужным проводить какие-либо различия и рассматривает, например, Гафарова (стр. 193—195) в одном ряду с Самойловичем и Бартольдом.

Б. В. Лунин приводит названия множества работ русских востоковедов, иногда даются суммарные перечни основных работ отдельных лиц (вместе с биографическими сведениями или без них), но оценок нет почти нигде. Впрочем, иногда встречаются и оценки, но они выглядят следующим образом: «Как ученый-востоковед Кун оставил после себя приметное научное и рукописное наследие» (стр. 117). «В лице Куна... востоковедение приобрело энергичного и много потрудившегося исследователя» (стр. 119). «По степени содеянного [!] им на благо отечественного востоковедения, по количеству и значению печатных трудов, по уровню специальной подготовки Пантусов являлся, несомненно, одним из виднейших ориенталистов-туркестановедов» (стр. 128). «Многогранная и большая деятельность Пантусова обеспечила ему почетное место в истории отечественного востоковедения» (стр. 131). «Доброй памятью окружено в истории отечественного востоковедения имя... Туманского» (стр. 139). «Заслуживает несомненного внимания и попытка [А. Гафарова] дать общий историографический очерк...» (стр. 194). «Историографически очень примечательна оценка Гафаровым рукописей „монголохвalebных историков“» (стр. 195). «Перевод Лыкошиным [труда Нершахи] явился крайне важным событием в местной научно-переводческой жизни и весьма примечательным явлением в истории русского востоковедения» (стр. 213; перед этим в том же абзаце сказано, что этот перевод был «наиболее приметным явлением в переводческой деятельности Лыкошина»). «Много потрудился в сфере издания восточных рукописей Н. Н. Пантусов» (стр. 216). «Заметное место принадлежало труду Н. Ф. Петровского...» (стр. 226). «Сам по себе подстрочный перевод бессмертного творения Саади не был бы примечателен, если бы не попытка Ходжаева „разъяснить глубокое значение некоторых фраз...“» (стр. 228).

Во всех этих «заметных», «приметных», «примечательных» и т. п. словах, может быть, не было бы большой беды, если бы кроме них был и какой-либо конкретный анализ; однако его нет нигде, и потому эти слова остаются совершенно бессодержательными. Следует оговориться, впрочем, что иногда встречаются и более конкретные оценки и характеристики, но они принадлежат не самому Б. В. Лунину, а другим лицам. Так, о Сенковском говорится словами Якубовского, Бартольда, Савельева (стр. 78—79), об Ильминском — словами Крачковского (стр. 83), о Григорьеве — словами Рейснера и Якубовского (стр. 91), о Туманском — словами Крачковского (стр. 140); о переводах Абулгази говорится словами П. П. Иванова (стр. 181), о «Развалинах Старого Мерва» Жуковского — словами Тизенгаузена, Туманского, Бартольда и

Ольденбурга (стр. 186—187), об издании «Дневника похода Тимура в Индию» — словами Семенова (стр. 221—222), о «Краткой истории Кокандского ханства» Наливкина — словами Розена, Веселовского и Зимина (стр. 225—226), о переводе автобиографии Тимура Лыкошиным — словами Веселовского (стр. 209) и т. д. Конечно, цитирование уже имеющихся отзывов о трудах отдельных ученых во многих случаях бывает полезно; но если чужие высказывания заменяют собственный анализ, то это только подчеркивает отсутствие всякого анализа в тех случаях, когда автору не удалось найти готовых высказываний.

Нужно еще добавить, что иногда даже к имеющимся и приводимым им чужим высказываниям Б. В. Лунин не относится достаточно внимательно. Так, на стр. 233—236 он говорит о трех изданных Н. Н. Пантусовым сочинениях по истории Средней Азии и Восточного Туркестана и весьма высоко отзываясь об этих изданиях. Между тем здесь же (стр. 235) приведены слова В. В. Бартольда, который отмечает, что в изданиях Пантусова не выполнены элементарные научные требования, в них полностью отсутствует научный аппарат, начиная с предисловия и кончая указателями. Б. В. Лунин здесь (как и во многих других случаях) явно смешивает вопрос о значении издаваемых памятников с вопросом о значении и качестве самого издания. Автору не мешало бы иметь в виду слова Бартольда (сказанные им по другому поводу)¹²: «При современном состоянии востоковедения каждая книга, в которой приводятся отрывки из неизданных сочинений восточных авторов, этим самым приобретает некоторое научное значение; каждое издание восточного текста, хотя бы исполненное без всякого внимания к требованиям науки, по типу так называемых „восточных изданий“, полезно уже тем, что делает текст доступным более обширному кругу читателей». Все это вполне относится и к двум из упомянутых здесь трех изданий Пантусова.

Отсутствие конкретного и четкого разбора отдельных работ и деятельности отдельных ученых вполне закономерно приводит к тому, что и о русском востоковедении в целом говорится в таких же бессодержательных выражениях: «Заметный и достойный вклад в эту литературу [посвященную изучению и публикации рукописей] внесен русскими дореволюционными и советскими востоковедами» (стр. 67). «Из сказанного выше мы вправе сделать вывод, что в первой — начале второй половины XIX в. русское востоковедение вписало в свои анналы весьма существенные страницы в деле изучения Средней Азии» (стр. 94). История «изучения и опубликования» восточных рукописей образует «весьма значительную страницу в летописи отечественного востоковедения» (стр. 179). «Перед нами еще одна весьма яркая и значительная страница отечественной науки, свидетельствующая, что именно русским ученым принадлежала значительная доля заслуги в освещении... истории Средней Азии XIX — начала XX в.» (стр. 229—230). Венцом подобного рода рассуждений является вывод, завершающий всю рецензируемую часть книги: «Заклячая, мы можем сказать, что дореволюционная история собирания, изучения и издания восточных рукописей по Средней Азии имеет свою историю и свои порой весьма яркие и достойные страницы» (стр. 260).

¹² «Мир ислама», т. I, вып. 1, СПб., 1912, стр. 72.

Таким образом, приходится признать, что теоретические вопросы истории рассматриваемой Б. В. Луниным области востоковедения (в той степени, в какой о них вообще можно говорить при нечетком определении предмета) в книге вообще не исследованы. Практически книга содержит только информационный материал, к рассмотрению которого нам и остается перейти.

Б. В. Лунин приводит множество фактов, связанных с собиранием, изучением и изданием восточных рукописей из Средней Азии или относящихся к Средней Азии. Собственно, весь второй раздел (стр. 65—260) рецензируемой книги, если не считать некоторых общих рассуждений и пассажей, отчасти упомянутых выше, представляет собой собрание таких фактов: сведения о находках отдельных рукописей и о составлении рукописных собраний, об изданиях письменных памятников и работ, связанных с изучением памятников, биографические данные об отдельных ученых и т. п.; все это сопровождается большим количеством библиографических сведений, помещенных в примечаниях в конце книги. Для добывания этих фактов автор, несомненно, проделал очень большую работу. Иногда он сообщает любопытные и малоизвестные или вовсе не известные данные¹³, извлеченные им из местной туркестанской печати и из архивных документов (Б. В. Лунин вообще превосходный знаток советских архивов и широко использует их материалы в своих работах). Из таких интересных сведений стоит упомянуть факты, характеризующие отношение некоторых востоковедов к царской администрации (стр. 55—57), сведения об истории изучения архива хивинских ханов (стр. 121—125) и архива кокандских ханов (стр. 126—128), письмо Вяткина Бартольду о бухарских библиотеках (стр. 177—179), сведения о работе Л. А. Зимины (стр. 222), запись Остроумова о судьбе хивинских рукописей, вывезенных Куном (стр. 345, прим. 523). Однако информационная ценность работы зависит не только (и, может быть, даже не столько) от количества содержащихся в ней единичных фактов, но и от того, как эти факты систематизированы и изложены. Сам Б. В. Лунин, как уже упоминалось выше, видит свою задачу в том, чтобы «воскресить... факты» и одновременно «привести их в систему».

Автор старается излагать факты в основном в хронологической последовательности, которую он, по его словам (стр. 332, прим. 336), в некоторых случаях «в интересах цельности изложения» нарушает. Сперва рассматривается период до «присоединения Средней Азии к России», затем — период после «присоединения» (с 1865 г., т. е. со времени взятия Ташкента, до 1917 г.). В «Периоде после присоединения» сперва рассматривается «собрание и описание рукописей» (стр. 99—179), а затем «изучение и издание рукописей» (стр. 179—249); последнее в свою очередь делится на рубрики: «Рукописи средних веков», «Рукописи нового времени» и «Актовые материалы».

В параграфах «Собрание и описание рукописей» и «Актовые материалы» изложение ведется в порядке хронологической последовательности фактов (находок и приобретения отдельных рукописей, издания

¹³ Зачисление некоторых фактов самим Б. В. Луниным в разряд малоизвестных бывает слабо обоснованным. Так, на стр. 93 он говорит о подготовке издания 'Абдулла-наме Вельяминовым-Зерновым как о «полузабытом факте»; между тем об этом сообщается в общезвестном справочнике Стори (С. А. Storey, *Persian literature*, vol. I, section II, fasc. 2, London, 1936, p. 375), где дана ссылка и на статью И. И. Умнякова, подробно излагающую этот вопрос.

документов и т. д.)¹⁴, в остальной части дается главным образом характеристика деятельности отдельных лиц, также в приблизительном хронологическом порядке. О работах отдельных ученых говорится в следующей последовательности: 1) «до присоединения»: Сенковский — Саблуков — Григорьев — Березин — Бичурин — Ильминский — Френ, Тизенгаузен и Савельев — Муравьев — Ханыков — Григорьев — Вельяминов-Зернов; 2) «после присоединения»: а) «рукописи средних веков»¹⁵: Вельяминов-Зернов — Григорьев — Демезон — Тизенгаузен — Розен — Радлов — опять Розен — Жуковский — Веселовский — Мелиоранский — Самойлович — Гафаров — Бартольд — Вяткин — Лыкошин — Пантусов — Туманский — Маллицкий — Семенов — Зимин — другие лица; б) «рукописи нового времени»: Григорьев — Веселовский — Гаврилов — Пантусов — Бартольд — Пантусов — Самойлович — Беляев — Бартольд. Уже этот перечень показывает, что последовательность изложения иногда совершенно случайная. Даже беглый просмотр книги позволяет убедиться в том, что изложение ведется фактически в трех планах: хронологическом, биографическом и предметно-тематическом, причем ни один из этих планов не выдержан и «перебивки» встречаются все время.

Ради соблюдения избранной им искусственной периодизации Б. В. Лунин говорит о работах Григорьева и Вельяминова-Зернова в двух местах (стр. 88—93 и 180—181), зато «в интересах цельности изложения» он забывает о периодизации и рассматривает факты, относящиеся ко времени после 1917 г. (биография Самойловича — стр. 173, обзор работ Зимина — стр. 222, история «Корана Османа» — стр. 108, обзор изучения архивов хивинских и кокандских ханов — стр. 124—125, 131, история изучения рукописи Туманского — стр. 139, 140—141). Б. В. Лунин рассматривает особо «собрание и описание рукописей» и особо — их «изучение и издание», хотя далеко не всегда можно оторвать одно от другого¹⁶; это приводит к частичным повторениям (ср., например, о работах Самойловича на стр. 175—177 и 192) и к тому, что деятельность одних и тех же лиц рассматривается в разных местах. Выделение особого параграфа об изучении «рукописей нового времени» (ср. об этом ниже) также приводит к тому, что о деятельности одного человека говорится в разных местах. В результате всего этого сведения о работах Григорьева мы находим на стр. 79—80, 88—91, 180—181 и 230, о работах Пантусова — на стр. 128—131, 216—217, 233—236, о работах Самойловича — на стр. 173—175, 192—193 и 236—237, о работах Веселовского — на стр. 189 и 230—232, о работах Туманского — на стр. 139—140 и 217—219; очевидно, все это — в ущерб «цельности изложения». Зато в других случаях, видимо ради полноты характеристики, говорится вообще об основных работах ученого (например, Григорьева — стр. 90—91, Шебунина — стр. 105—106, Самойловича —

¹⁴ В параграфе «Собрание и описание рукописей» на стр. 99—157 говорится почти исключительно о поступлении рукописей в петербургские хранилища, на стр. 157—164 — о трех собраниях восточных рукописей в Туркестане, на стр. 164—177 — о поездках в Среднюю Азию Бартольда, Залемана и Самойловича (аналогичные поездки А. З. Валидова не выделяются, ср. стр. 149—150).

¹⁵ Сперва характеризуется деятельность «востоковедов-специалистов», а затем — «местных работников» (стр. 180); разделение это не очень удачное, так как среди «местных работников» также оказываются «востоковеды-специалисты» (ср. стр. 249).

¹⁶ По-видимому, можно особо рассматривать историю собрания рукописей, в то время как их описание является уже составной частью их изучения.

стр. 173—174, Гафарова — стр. 195¹⁷), в том числе и не относящихся к рассматриваемой теме, чем нарушается тематическая и хронологическая последовательность.

Мало способствует последовательности и систематичности изложения выделение особого параграфа об изучении и издании «рукописей нового времени» (стр. 229—244). Подразумеваются при этом сочинения (автор все время смешивает понятия «рукопись» и «сочинение», см. об этом далее), относящиеся к XIX—XX вв., «перед и после присоединения» Средней Азии к России (см. стр. 229—230)¹⁸. Такое разделение автор не смог провести последовательно, и о сочинениях, относящихся к этому периоду, говорится и в предыдущем параграфе, посвященном «рукописям средних веков» (стр. 189 и 205 — об издании и переводе «Самарии», стр. 191 — о киргизской (казахской) рукописи, полученной Беляевым, стр. 193 — об изданиях хивинских стихов XX века Самойловичем, стр. 219—220 — об истории Шугнана, написанной в начале XX в., стр. 220 — о «ряде небольших переводов с новейших сочинений», осуществленных А. А. Семеновым¹⁹, стр. 221 — о сочинении *Мир'ат ал-футух*, написанном в 1281/1864-65 г., и сказании о городе Оше, стр. 223—226 — о работах по истории Кокандского ханства, стр. 228 — о медицинском сочинении XX в.). Зато в данном параграфе есть сведения, не имеющие отношения к изучению и изданию «рукописей нового времени» (стр. 238 — о сочинениях Алим-ходжи и Саттархана), а на стр. 238—242 изложение строится в совершенно ином плане по сравнению со всем предшествующим: сообщаются данные о сочинениях Муниса и Агехи и истории их изучения, т. е. рассматривается объект исследования, в то время как до этого характеризовались работы исследователей.

В параграфе «Актовые материалы» (стр. 244—249) говорится о работах, посвященных исследованию и публикации всякого рода документов, а не только актов в собственном смысле слова. Здесь, однако, ни слова не сказано об архивах хивинских и кокандских ханов, которые попали в подраздел «собрание и описание рукописей» (стр. 120—128, 131; в параграфе об «актовых материалах» нет даже отсылки к тому, что сказано выше об этих архивах). Сведения об изданиях некоторых документов также не попали в этот параграф (например, об издании тарханного ярлыка Алла-Кули-хана XIX в. говорится на стр. 180, в параграфе «рукописи средних веков»).

Можно привести еще много примеров, свидетельствующих об отсутствии последовательности и четкости в изложении и продуманной системы построения рецензируемой работы. В разделе «Восточные рукописи» (стр. 65—249) иногда рассматриваются работы, либо вообще не

¹⁷ Я не говорю здесь о характеристике работ Куна (стр. 115—117), Пантусова (стр. 129—131) и других, напечатанных петитом вместе с биографическими сведениями; ср., однако, выше, стр. 265.

¹⁸ На стр. 229 автор оправдывает выделение такого параграфа тем, что дореволюционные исследователи относились с «живым вниманием» к истории этого периода и что здесь «перед нами еще одна весьма яркая и значительная страница отечественной науки». По-видимому, Б. В. Лунин не согласен с мнением В. В. Бартольда, писавшего в 1910 г.: «История среднеазиатских ханств в XVIII и XIX вв. принадлежит к числу наименее разработанных отраслей истории Востока, что объясняется не отсутствием источников, а равнодушием исследователей» (см. В. В. Бартольд, Сочинения, т. II, ч. 2, М., 1964, стр. 400).

¹⁹ В тексте они не названы, из относящегося к этой фразе прим. 1018 (стр. 373) выясняется, что весь «ряд» состоит из одного сочинения: «Туркменская песня про взятие Геок-Тепе».

относящиеся к теме, либо относящиеся к другому периоду, не освещаемому в книге; некоторые сведения находятся явно не на месте. Не имеют отношения к истории изучения и издания рукописей работы Муравьева и Ханыкова, о которых говорится на стр. 84—85; не относится к теме данной работы и фольклорно-этнографическая публикация Диваева, упомянутая на стр. 226 (кстати, если уж говорить о таких публикациях, то почему из многочисленных работ Диваева выбрана только одна?); совершенно не имеют отношения к теме книги работы по истории бабидов, рассматриваемые на стр. 242—244 (поэтому «особняком стоят» (стр. 242) они в действительности только у Б. В. Лунина). На стр. 202 автор заявляет, что он переходит «к данным о переводах восточных рукописей, осуществленных шестью местными деятелями», однако далее речь идет не только о переводах: на стр. 204 говорится о рецензии Вяткина на сделанный Бартольдом перевод «Мусульманских династий» Лэн-Пуля, на стр. 224—226 говорится о работе Наливкина по истории Кокандского ханства. На стр. 131 без всякой надобности говорится об издании документов из архива джуйбарских шейхов (1938 г.; кстати, в примечании ссылка дается только на издание перевода (1954 г.), а не текста документов), на стр. 237 — об открытии Бартольдом неизвестного ранее хивинского исторического сочинения (1929 г.). На стр. 205 посреди характеристики перевода Вяткиным «Самарии» большой абзац неожиданно посвящен характеристике другого сочинения — «Кандии», о переводе которого Вяткиным говорится далее, на стр. 206 (причем отчасти повторяется то, что было сказано на предыдущей странице).

Отсутствие последовательности в изложении приводит, между прочим, и к тому, что в рецензируемых разделах одни и те же сведения повторяются по нескольку раз. Так, о приобретении Лерхом рукописи *Китаб ал-ансаб* говорится на стр. 76 и 87—88; о передаче Наливкиным Азиатскому музею рукописи *Мулхакат ас-Сурах* говорится на стр. 141, 171 и 172, о приобретении Бартольдом другой рукописи этого сочинения — на стр. 168 и 199 (при этом повторяются одни и те же сведения о сочинении); о приобретенном Бартольдом сборнике ярлыков и других документов почти одно и то же говорится на стр. 166, 168 и 190; о документе Омар-шейха, приобретенном Бартольдом и изданном Мелиоранским, говорится на стр. 168 и 247; ряд сведений на стр. 175—177 повторяются на стр. 192 вместе с относящимися к ним примечаниями; прим. 930 (стр. 367) повторяет прим. 696 (стр. 353); прим. 1154 (стр. 381) повторяет прим. 782 (стр. 168).

Многословием, обилием не относящихся к делу рассуждений и сведений и ненужных самооправданий отличаются первый, общий раздел (стр. 25—64), «выводы» раздела о рукописях (стр. 249—260), а также общие введение (стр. 5—24) и заключение (стр. 300—308). Выше уже упоминалось, что фактически не связан с содержанием книги обзор русской политики в Средней Азии после 1865 г. (стр. 28—38)²⁰. Можно добавить, что следующий далее (стр. 38—42) обзор высказываний В. И. Ленина о Средней Азии также не имеет никакого отношения к рассматриваемым в книге вопросам²¹; совершенно излишней является

²⁰ Столь же излишни и сведения о хивинском походе 1873 г. и завоевании Кокандского ханства, данные в параграфе об истории собирания рукописей (стр. 111—112).

²¹ Возможно, что эти высказывания могут быть объектом специального рассмотрения, но с историей востоковедения это не связано; между тем речь о них идет в разделе, озаглавленном «Из истории востоковедения в России и Средней Азии».

и общая характеристика обстановки в России в конце XIX—начале XX в. (стр. 53—55). Не имеет отношения к теме данной книги и парадно-восторженная характеристика расцвета востоковедения и, в частности, дела собирания и изучения рукописей после 1917 г.²² (стр. 250—253). Эта характеристика сделана в связи с оговоркой Б. В. Лунина (стр. 250) о том, что «наследие дореволюционного русского востоковедения в области собирания, изучения и издания восточных рукописей по Средней Азии... отходит на второй план в сравнении с достижениями в этой области передового советского востоковедения» (ср. также стр. 252: «наследие это давно уже не выдерживает сопоставления с современной действительностью»); оговорка же нужна для того, чтобы в свою очередь подчеркнуть, что у дореволюционного востоковедения были не только недостатки, но и достижения (стр. 253—254); на стр. 253 эта мысль выражена в особенно трогательной форме: «Нужно ли доказывать, что при всех своих социально обусловленных недостатках дореволюционная русская наука не стояла на месте и... приходила не только к ошибочным, но в ряде случаев и к правильным выводам». Оказывается, это нужно доказывать, потому что «отдельные наши исследователи» относятся пренебрежительно к дореволюционному научному наследию; на стр. 252—254 следует полемика с такими исследователями, которые, впрочем, по именам не названы. Но, может быть, автор зря тратит место для утверждения прописных истин? По-видимому, он имеет в виду исследователей, подобных тем, неверные и просто невежественные высказывания которых он цитирует во введении (стр. 14—17), доказывая с наименьшим пафосом необходимость заниматься историографией²³. «Нужно ли доказывать», что научные исследования не могут писаться с оглядкой на невежество и исходя из «среднего» (или, тем более, ниже среднего) уровня читателей.

Сказанное выше заставляет нас прийти к выводу, что автору не удалось «привести в систему» собранные им факты и построить свое изложение в достаточной степени четко и логично. Систематизации и правильному освещению фактов мешает и то, что у автора отсутствует ясное представление о смысле некоторых основных терминов, связанных с рассматриваемым им предметом. Я имею в виду термины «рукопись», «список», «сочинение», «текст», «перевод», «издание».

На стр. 65—67, в начале раздела «Восточные рукописи». Б. В. Лунин говорит о значении восточных рукописей для науки, причем здесь под «рукописями» он в действительности подразумевает сочинения (более того, только нарративные исторические источники²⁴; в дальней-

²² Если уж автор коснулся этого вопроса, то он должен был бы отметить, что как раз в деле собирания и изучения рукописей период после 1917 г. не только характеризовался «широким размахом исследований» и «крупными успехами» «в кратчайший период»: в это время были и такие явления, как исчезновение многих частных собраний и гибель огромного числа рукописей в Средней Азии (его трудно учесть даже приблизительно) в середине 30-х годов, когда многие владельцы рукописей (опасаясь держать у себя что-либо, написанное арабским шрифтом) сжигали их, бросали в арыки и относили на кладбища.

²³ Вслед за этим (стр. 17—18) автор столь же основательно оправдывает свое внимание к биографическим материалам, подкрепляя это тремя цитатами подряд (из С. О. Шмидта, Н. М. Дружинина и И. Ю. Крачковского) и утверждением: «Ведь и буржуазный ученый буржуазному ученому рознь».

²⁴ Здесь, в частности, встречаются такие фразы: «...Почетное место в категории средневековых исторических источников всегда будут занимать восточные рукописи»; «Говоря словами П. П. Иванова и А. К. Боровкова, восточные рукописи „в массе чрезвычайно односторонни...“» (Иванов и Боровков говорят не о рукописях, а о вос-

шем изложении, однако, такое узкое значение за этим словом не сохраняется). После этого Б. В. Лунин все же на всем протяжении работы употребляет одновременно также термин «сочинение», а термин «рукопись» употребляет и в его правильном значении (т. е. рукописная книга, единичный список одного или нескольких сочинений), и как синоним «сочинения». Так, наряду с изданием сочинений он то и дело упоминает «издание рукописи» (когда речь не идет об издании текста по одной рукописи); на стр. 191 говорится о «выпуске в свет научно комментированных рукописей», на стр. 202 — о «переводах восточных рукописей»; название параграфа «Рукописи нового времени» (стр. 229) означает только «сочинения нового времени» (в первом абзаце после заголовка говорится опять о «рукописях», дальше — о сочинениях), зато название всего раздела «Восточные рукописи» подразумевает и рукописи и сочинения. Такое словоупотребление, естественно, приводит к путанице и прямым ошибкам. Так, на стр. 198 говорится, что Бартольд пользовался данными «китайских рукописей» (!), на стр. 238 Б. В. Лунин говорит о правомерности «отнесения работы Алим-ходжи к разряду восточных рукописей» (!), на стр. 205 он пишет о «наличии... списков рукописи в разных редакциях», на стр. 256 (в «Выводах»): «По многим рукописям... были известны их различные и разновременные списки (варианты)»; на стр. 257 Б. В. Лунин утверждает, что «материалы из архивов среднеазиатских стран... также образуют одну из категорий „восточных рукописей“».

Совершенно так же Б. В. Лунин путает понятия «издание» сочинения (под этим принято подразумевать издание оригинального текста) и даже «текст» — и понятие «перевод». На стр. 205 он говорит, что Вяткин «в основу своего издания» «Самарии» положил список 1848-49 г., на стр. 221 — что Зимин «опубликовал текст» сказания об Оше (на самом деле это был только перевод), на стр. 218 — что «Родословная туркмен» «впервые была издана именно А. Г. Туманским»²⁵. На стр. 223, сообщив о том, что намерение Зимина издать текст *‘Абдулла-наме* осталось неосуществленным, как и аналогичная попытка Вельяминова-Зернова, автор заключает: «Так остались неизданными два перевода на русский язык „Абдулла-наме“». На стр. 235, сообщив о статье Бартольда, содержащей сокращенный перевод отрывков из *Тарих-и Шахрухи*, Б. В. Лунин заключает, что Бартольд говорил о возможности «издания в некоторых случаях текстов восточных рукописей без обязательного воспроизведения всех „риторических фигур...“». На стр. 258 он заявляет, что переводы восточных сочинений «вводили в научный оборот многие ценные источники»; вообще в «Выводах», на стр. 257—259, он говорит исключительно о прогрессе в деле перевода восточных источников на русский язык (развитие «научно-переводческой деятельности востоковедов», стр. 259), полагая, видимо, что именно в этом заключается основное содержание работы по «изучению и публикации рукописных источников». Смешивая пере-

точных источниках по истории туркмен); «Общезвестно... присутствие в восточных рукописях пышной риторики»; «В рукописях исторического характера, носящих в основном повествовательный характер...» (стр. 66—67).

²⁵ Здесь же, сообщив, что Туманский пользовался двумя рукописями «Родословной туркмен», Б. В. Лунин пишет: «Впоследствии Туманский передал перевод второго списка А. Н. Самойловичу». На самом деле Самойлович, на статью которого ссылается Б. В. Лунин, пишет: «Я получил от Туманского... снятую им копию с Ташкентской рукописи... и оригинал шестого списка того же труда, принадлежавшей ему» («Доклады АН СССР», сер. В, 1927, стр. 39).

вод с текстом, Б. В. Лунин придает первому даже большее значение; во всяком случае он не обнаруживает понимания того, что в основе всякого исследования, в особенности исторического и филологического, может лежать только оригинальный текст источника, а не его перевод на другой язык²⁶; перевод также в ряде случаев имеет большое значение (как один из видов интерпретации текста), но в сравнении с текстом его роль остается только подсобной.

* * *

Сказанное выше отчасти определяет качества рецензируемой книги не только как историографического исследования, но и как справочного пособия, поскольку, очевидно, ясное понимание предмета, последовательность и логическая четкость изложения нужны и для того и для другого. Главное требование, предъявляемое к справочнику, — это удобство в пользовании, легкость отыскания в нем нужных читателю сведений; это должно обеспечиваться продуманной системой его построения, строгой унификацией транскрипции и библиографического аппарата, наличием различных указателей.

К книге Б. В. Лунина, по-видимому, читатель может обращаться за сведениями трех основных видов: 1) о рукописях различных сочинений восточных авторов (найденных в Средней Азии, находившихся в среднеазиатских собраниях, описанных и опубликованных в связи с изучением Средней Азии и т. п.), а также о рукописных коллекциях среднеазиатского происхождения, 2) о биографиях лиц, занимавшихся изучением и изданием этих памятников, 3) о работах этих лиц и посвященных этим лицам.

Для отыскания сведений первой из упомянутых здесь категорий необходима унификация транскрипции. От этого Б. В. Лунин полностью отказался; обоснование его позиции, помещенное на стр. 68—69, сводится к следующему: 1) автор, «естественно», не мог видоизменять «даже явно устаревшую и неточную транскрипцию», фигурирующую в различных изданиях, на которые он ссылается; помимо всего, «постепенное видоизменение и уточнение транскрипции восточных слов» составляет одну из сторон процесса развития науки, которую нельзя игнорировать «в историографическом плане»; 2) однако, «когда речь шла о наиболее ценных и важных рукописных источниках», автор стремился «воспроизводить новейшую транскрипцию названий рукописей и имен авторов, а в ряде случаев... давать названия рукописи также на языке оригинала»; 3) и в настоящее время разные авторы употребляют разную транскрипцию, даже «с учетом ориентации ученых наших дней» на транскрипцию Крачковского — Ромаскевича; автор «стремился воспроизводить наиболее общеупотребительную транскрипцию наших дней»; 4) при всем при этом автор не претендовал на непогрешимость, так как вопросы транскрипции не входят «в сферу его компетенции», а их решение не могло составлять задачу его «историографического, а не текстологического исследования».

Все это звучит малоубедительно. Изменять транскрипцию нельзя, очевидно, только в цитатах из работ других авторов, но там, где речь

²⁶ Ср. слова (стр. 216) об огромном значении лыкошинского перевода Нершахи как одного из «настоельных пособий для многих исследователей»; «ссылки на те или иные места... в переводе Лыкошина исчисляются многими сотнями».

идет об истории собирания рукописей и издания памятников, Б. В. Лунин в подавляющем большинстве случаев мог обойтись вообще без цитат; транскрипцию другого автора — там, где это почему-либо было нужно, — можно было привести в скобках. Об истории развития транскрипции «в историографическом плане» названия и имена, приводимые Б. В. Луниным, все равно дают слабое представление²⁷. Между системами транскрипции, применяемыми современными авторами, действительно можно найти «существенные различия», но каждый из них в отдельности старается придерживаться какой-то одной системы; «решить» научные вопросы транскрипции Б. В. Лунин, конечно, не мог, но выбрать что-то более или менее определенное он был обязан, и такую задачу решает автор любой работы, связанной с востоковедением, а отнюдь не только текстологического исследования.

Вследствие отказа Б. В. Лунина от унификации транскрипции читатель будет испытывать немало затруднений, пытаясь определить истинное написание имен и заглавий, приводимых автором нередко в совершенно искаженной форме (какую он находил в своих источниках); при этом одно название может быть искажено в нескольких вариантах, так что, например, *Ахлак-и Мухсини* мы встречаем на стр. 111 в виде «Ихлаки Мухсини», а на стр. 119 — в виде «Ахмакуль [!!] Мухсенин». Иногда Б. В. Лунин считает нужным указать «уточненную» транскрипцию, однако это делается как раз тогда, когда особой надобности в таких уточнениях нет, например, на стр. 85: «Нершахи (Наршахи)» и «Мукаддеси (Мукаддаси, Макдиси)», или на стр. 152: «Насыри-Хосрова (Насир-и Хусрау)». Зато фантастические искажения названий и имен (см., например, на стр. 119—120) остаются без всяких пояснений.

Помимо полного разнобоя в транскрипции, объясняемого «принципиальными» соображениями, в книге существует такой же разнобой в способе передачи заглавий сочинений. Иногда они упоминаются только в транскрипции, иногда — в транскрипции и переводе, иногда — в транскрипции и арабском написании, иногда — в переводе и арабском написании и, наконец, особенно часто — только в русском переводе; каждый раз это зависит только от того, что именно Б. В. Лунин находил в используемом им источнике. Это в еще большей степени, чем разнобой в транскрипции, мешает сопоставлению и использованию приводимых автором сведений. Особенно недопустимо в такого рода работе (претендующей на значение справочного пособия) упоминание заглавий сочинений только в русском переводе: одно и то же название можно перевести по-разному и по переводу нередко невозможно установить истинного названия. Собственно, все заглавия сочинений следовало указывать только в транскрипции, и это, помимо большей точности, дало бы также немалую экономию места.

Автор явно не в ладах также с написанием мусульманских имен (одни и те же части имени иногда пишутся с заглавной, иногда со строчной буквы, иногда — слитно, иногда — отдельно или через дефис) и в особенности с их склонением (например, очень часто склоняется только последнее слово в имени, но тут же рядом склоняются все слова; ср. особенно стр. 137, 154—155, 158, 166—167, 169, 205).

²⁷ Помимо всего прочего, Б. В. Лунин неточно передает транскрипцию своих источников. Так, на стр. 132—133, сообщая названия рукописей по описи, составленной В. Д. Смирновым, он пишет «Бахру ал-джевагир» вместо «Бахру-ль-джевагир», «Нафахат-ал-унс мин Хазрати[sic!]-л-кудс» вместо «Нафахату-ль-унс мин хазырати-ль-кудс», «Тарих-и Муким-хани» вместо «Тарихи-Муким-хани» и т. п.

Очевидно, и здесь автор во многих случаях слепо следовал своим источникам.

Несколько лучше обстоит дело с биографическими сведениями (я имею в виду только их справочную сторону, а не оценки деятельности отдельных ученых, о чем было сказано выше). В книге имеются краткие биографические очерки следующих лиц: Сенковского (стр. 77—78), Березина (стр. 80—81), Ильминского (стр. 83), Лерха (стр. 86—87), Григорьева (стр. 88—91), Вельяминова-Зернова (стр. 91—93), Шебунина (стр. 105—106), Куна (стр. 114—117), Пантусова (стр. 128—131), Туманского (стр. 139—140, 404—405), Каля (стр. 160), Залемана (стр. 169—170), Самойловича (стр. 172—173), Демезона (стр. 181), Абу Саида Махзума (стр. 189—190), Мелиоранского (стр. 191), Лыкошина (стр. 207—208), П. Е. Кузнецова (стр. 317, прим. 107), Гаврилова (стр. 377, прим. 1089), Наливкина (стр. 405—406). Сами по себе эти биографии несомненно полезны; в особенности надо отметить биографии А. Л. Куна и Н. Н. Пантусова, до сих пор мало освещенные в литературе. Вместе с тем бросаются в глаза следующие два обстоятельства, снижающие общее справочное значение этих биографических очерков: 1) они расположены без какой-либо системы (иногда — но далеко не всегда — они помещены при первом упоминании работ данного лица), что затрудняет их отыскание; 2) в книге помещены биографии далеко не всех ученых, работы которых в ней подробно рассматриваются (например, нет биографий Ханькова, Гафарова, Вяткина, Веселовского, Семенова, Бартольда, В. Иванова, А. З. Валидова). В некоторых случаях автор отмечает, что биография данного лица не приводится потому, что она достаточно хорошо известна или освещается в других работах (см. стр. 196 — о Бартольде, стр. 202 — о Вяткине, стр. 220 — о Семенове). Но для био-библиографического справочника такой довод нельзя признать основательным; кроме того, большинство помещенных Б. В. Луниным биографических очерков также не содержат каких-либо оригинальных сведений, а излагают основные факты, имеющиеся в опубликованных биографиях, некрологах и т. п. Наконец, несмотря на пользу биографий как справочного материала, сам Б. В. Лунин дает основание сомневаться в целесообразности их помещения в этой книге, так как, согласно обнародованному им (стр. 19 и сл.) общему плану его многотомной работы, ее третий том («книга I, часть III») будет содержать «материалы к био-библиографическому словарю ориенталистов-туркестановедов»; таким образом, биографии в рецензируемой работе лишь выборочно и, по всей вероятности, в сокращенном виде предваряют то, что будет сказано в другом томе.

Библиографии, как таковой, книга не содержит. Все ссылки на источники и прочие библиографические указания находятся в примечаниях, пронумерованных сквозной нумерацией (от 1 до 1412) и помещенных в конце книги (стр. 311—399) за шмуцтитлом «Источники и литература». Эти примечания, среди прочего, содержат довольно много интересных ссылок на малоизвестные и забытые статьи в туркестанской печати и на архивные документы. Здесь же можно найти перечни работ, посвященных отдельным ученым, а также библиографии их работ; из таких библиографических перечней заслуживают быть отмеченными: библиографии работ о Ханькове (стр. 327—328, прим. 272) и Лерхе (стр. 329, прим. 285 и 289), библиографии работ Куна (стр. 338, прим. 440), Пантусова (стр. 342—345, прим. 514—516), Казбекова (стр. 346, прим. 540), Гаврилова (стр. 377—378, прим. 1089—1090).

Однако нужные читателю библиографические сведения, ввиду общей бессистемности расположения материала, отыскать, пожалуй, еще труднее, чем какие-нибудь сведения в основном тексте. Кроме того, библиографические примечания имеют и другие недостатки, о которых чужно сказать особо.

Расположение примечаний в конце книги, а не в виде постраничных сносок, объясняется, видимо, соображениями удобства для издательства и типографии. Читателю это доставляет только неудобства, так как в большинстве случаев примечания нужно иметь перед глазами при чтении текста²⁸, а потому книгу приходится читать одновременно в двух местах. Вследствие такого отделения сносок от текста в ряде случаев произошла путаница с номерами примечаний. После ссылки № 480 на стр. 125 следует ссылка на № 483 на стр. 126; объясняется это тем, что №№ 477—480 на стр. 125 следует читать как 479—482, ссылки же, относящиеся к прим. 477 и 478 (на стр. 340), в тексте на стр. 125 просто пропущены. Вместо примечаний 522—523 на стр. 345 следует читать 521—522. В прим. 871 (стр. 364) должна быть ссылка на конкретную страницу цитируемой статьи; вместо этого здесь по ошибке повторяется прим. 868. Прим. 901 на стр. 365 в действительности следует читать как 902, а прим. 902 — как 901. Прим. 1160 на стр. 382 относится к ссылке № 1164 на стр. 244, а номера примечаний 1161—1164 должны быть, соответственно, исправлены на 1160—1163. Встречаются и чисто библиографические ошибки, особенно странные у Б. В. Лунина, имеющего большой опыт библиографической работы. Так, в ссылках на статьи и рецензии в ЗВОРАО, которые имеют пагинацию, начинающуюся с нуля²⁹, этот ноль везде опущен, в результате чего все эти ссылки оказываются неверными (см., например: стр. 358, прим. 788, 799 и 801; стр. 360, прим. 823 в конце; стр. 363, прим. 854, 860, 862, 863; стр. 365, прим. 895; стр. 366, прим. 914, 922, 925; стр. 368, прим. 943 и 949, и мн. др.). В четырех местах (стр. 322, прим. 191 (каталог Дорна); стр. 332, прим. 329; стр. 358, прим. 798; стр. 365, прим. 895) книги, написанные на французском, английском, узбекском и таджикском языках, описаны почему-то по-русски. В списке сокращений значатся аббревиатуры КРВ (стр. 401) и ПТР (стр. 402), однако в примечаниях употребляются, соответственно, КВРТ (стр. 346, прим. 531, 535—537, 542) и ПИТР (стр. 351, прим. 644, 646, 648). На стр. 331, прим. 317, указано название несуществующей статьи Вельяминова-Зернова. На стр. 359, прим. 812, заглавие издания Абулгази из «Histoire des Mogols et des Tatares» превращено просто в «Tatares». На стр. 360, прим. 821, искажено название статьи Дорна. На стр. 393, прим. 1182, вместо ссылки на конкретную страницу дано описание книги. На стр. 386, прим. 1213, неверно указано название работы А. А. Семенова («Указатель периодической литературы» и т. д. вместо «Указатель персидской литературы...»).

Указывая издания отдельных сочинений или извлечений из них, опубликованные до революции, Б. В. Лунина в примечаниях иногда считает нужным упомянуть более новые издания, однако такие упоминания

²⁸ Это относится вообще ко многим историческим и историографическим исследованиям, в отличие от изданий памятников и научно-популярных работ, в которых расположение примечаний за текстом оправдывается некоторыми соображениями.

²⁹ Как известно, в ЗВОРАО была пагинация трех видов: римскими цифрами (для протоколов заседаний), арабскими цифрами (для основных статей) и арабскими цифрами с нулем (для «мелких известий и заметок»).

совершенно случайны и ограничены литературой, вышедшей в СССР³⁰ (за очень немногими исключениями). В качестве примера достаточно указать, что, приводя список сочинений, извлечения из которых были изданы В. В. Бартольдом в ч. I «Туркестана» (стр. 199—200), Б. В. Лунин только для *Джахан-наме* Бекрана упоминает новое издание, в то время как после выхода «Туркестана» было издано подавляющее большинство этих сочинений. В разделе о собирании рукописей Б. В. Лунин нередко отсылает за более подробными или точными сведениями об упоминаемых им авторах и сочинениях к советским каталогам рукописей, совершенно игнорируя такие более общие справочные издания, как книгу Стори («Persian literature») и «Энциклопедию ислама»; между тем использование этих изданий позволило бы самому Б. В. Лунину избежать некоторых из тех фактических ошибок, о которых будет сказано ниже.

Пожалуй, единственное, что могло бы в какой-то степени компенсировать некоторые из отмеченных выше недостатков книги, — это хорошие указатели. Здесь требуется по крайней мере четыре указателя (имен восточных авторов, имен европейских исследователей, издателей и т. п., названий восточных сочинений, названий европейских работ). Эти указатели дали бы возможность как-то разобраться в зачастую бессистемном нагромождении фактов, сопоставить разбросанные сведения, относящиеся к одному автору или сочинению, отыскать нужные данные, несмотря на разную транскрипцию, и т. д. Кроме того, составление указателей позволило бы самому автору вовремя устранить некоторые досадные ошибки: повторения, противоречия, разную запись имен и пр. Однако никаких указателей в книге нет и нет даже намека на то, что автор признает их необходимость. Б. В. Лунин, однако, вообще прекрасно понимает значение указателей. Одной из первых его работ, посвященных Средней Азии, были «Библиографический, именной и географический указатели к Протоколам и сообщениям Туркестанского кружка любителей археологии» (1959)³¹, в предисловии к которым он привел следующие слова В. Р. Розена: «Наши провинциальные ориенталисты питают какое-то непонятное отвращение к составлению указателей, совершенно забывая громадную их пользу и существенную их необходимость»³². Впрочем, уже тогда Б. В. Лунин напечатал только первый — библиографический — указатель, а обещанные именной и географический так и не появились (их нет и в списке подготовленных к печати работ, стр. 22—24). В двух своих предыдущих книгах³³ Б. В. Лунин также не дал указателей, чем тоже в немалой степени затруднил пользование ими. В рецензируемой здесь книге отсутствие указателей не может быть оправдано ничем³⁴ и является, пожалуй, наиболее вопиющим недостатком, усугубляющим все остальные.

³⁰ Но и это сделано непоследовательно; так, на стр. 154 и 155 напрашивается упоминание об издании в 1960 г. П. А. Грязневичем текста и перевода извлечения из анонимного арабского исторического труда, о рукописи которого говорится дважды.

³¹ «История материальной культуры Узбекистана», вып. I, Ташкент, 1959, стр. 231—255.

³² ЗВОРАО, т. IV, 1890, стр. 128.

³³ *Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895—1917 гг.)*, Ташкент, 1958; *Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность...*, Ташкент, 1962.

³⁴ Например, недостатком места (в книге достаточно много ненужных сведений и рассуждений, за счет сокращения которых можно было бы поместить любые указатели). Мало утешило бы читателя и обещание поместить указатели к данной книге в последующих томах труда Б. В. Лунина: срок их издания неизвестен, а этой книгой

Остается еще коснуться фактической точности работы Б. В. Лунина; это имеет значение, очевидно, для ее оценки и как исследования, и как справочного пособия. Фактических ошибок и неточностей в книге, к сожалению, много; помещенный далее список (в постраничной последовательности) может дать представление о характере этих ошибок.

Стр. 74, строки 2—7. Непонятно, каким образом следы библиотеки Тимура (ум. в 1405 г.) могут «улавливаться» в списке астрономических таблиц Улугбека (закончены в 1449 г.), даже если этой рукописью пользовался сам Улугбек (кстати, столь же непонятно, почему эта рукопись названа «уникальной»).

Стр. 77, строки 16—18. Упомянув о работе одного из студентов Петербургского университета, в которой использовалось сочинение Хаджи Халифы «Джеган-Нюма» (т. е. *Джахан-нума*), Б. В. Лунин поясняет: «имеется в виду „Джахан-наме“».

Стр. 84, строки 29—30. Сообщая о раскопках Муравьева на «Гюшим-тепе» близ Атрека, Б. В. Лунин поясняет название как «Гешим-тепе»; в действительности имеется в виду известное место «Гююштепе» («Серебряный бугор» в старой русской литературе).

Стр. 86, строка 4 снизу. Перечисляя восточных авторов, сочинения которых использовал Лерх, Б. В. Лунин называет среди них «Абу-л-Хайрхана». В действительности имеется в виду *Тарих-и Абу-л-Хайр-хана*, написанная Мас'удом б. 'Османом; Абу-л-Хайр-хан оказался у Лунина автором, видимо, потому, что в книге Лерха об этом сочинении сказано, что оно содержит «историю известного Абуль-хейр-хана»³⁵.

Стр. 111, строка 16 сверху. Оставлено без пояснения или поправки цитируемое Б. В. Луниным из какого-то русского архивного документа 1872 г. замечание о «Книге царей» [т. е. *Шах-наме*], «записанной в 948 г. по Р. Х.».

Стр. 111, строки 23 и сл. Приводятся слова Ф. Энгельса, написанные в 1858 г., согласно которым в 1854 г., во время Крымской войны, Перовский двинулся с 17-тысячной армией на Хиву, в результате чего «хан Хивы признал верховную власть России» и т. п., а «в Хиве водворился русский консул». «Энгельс пророчески [!] заметил по этому поводу», пишет Б. В. Лунин, что «с подчинением Хивы вопрос о покорении Туркестана, по существу, был решен». Общеизвестно, что поход Перовского состоялся в 1839 г., а не в 1854, и закончился неудачей, а покорение Хивы произошло в 1873 г.; слова Энгельса объясняются, очевидно, какой-то неправильной информацией³⁶, и их вообще не стоило приводить,

нужно пользоваться сейчас; впрочем, такое обещание не содержится ни во введении, ни в проспекте всего труда.

³⁵ См. П. Лерх, *Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году*, СПб., 1870, стр. 11.

³⁶ Н. И. Веселовский в своей книге *Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего* (СПб., 1877, стр. 335) упоминает, что в 1851 г. генерал Орлов подал записку, в которой предлагал занять Хиву, и в связи с этим замечает следующее (там же, прим. 2): «Как раз совсем противоположные сведения находятся у одного иностранного путешественника Карла Андрэ, который сообщает, что Перовский весной 1854 г. предпринял второй поход против Хивы. С 17000 отрядом войска благополучно добрался он от Оренбурга к Аральскому морю; а потом по Аму-Дарье проник и в самую средину Хивы. Там заключил он договор. Как ни фантастичен, как ни невозможен приводимый при сем договор, но Андрэ сообщает его целиком (См. статью «Направление торговых путей в Средней Азии» — в Вестнике Геогр. Общ. 1859 г. № 12). Сочинять такие вещи по меньшей мере предосудительно». Совершенно очевидно, что сведения Энгельса были заимствованы либо у того же Андрэ, либо из какого-то общего с ним источника.

и уж в особенности в подтверждение того, что «в середине 50-х г. царская Россия усилила свои позиции в Хиве» (?)³⁷.

Стр. 115, строка 35. «Француз М. Готьо» появился потому, что автор принял букву «М» в библиографическом описании (обычное в французских изданиях сокращение от «monsieur») за инициал; им Готьо — Робер (Robert).

Стр. 116—117. После того как сообщается об участии Куна в кандском походе 1875 г., сказано следующее: «По собственным слухам Куна, задачей его „было собрать возможно больше книг... а также составить описание развалин Ак-сарая, дворца Тимура“». Но эти слухи Куна относятся совсем к другой экспедиции — Шахрисабзской 1870 г. (и ссылка дана на статью Куна «Очерки Шагрисабзского бекства»); очевидно, перед этими словами пропущены одна или несколько фраз.

Стр. 123, строки 6—7. В «Тетради дневных записей» в архиве Куна нет «следов работы Куна над архивом хивинских ханов», а записи в этой тетради принадлежат не Куну, а его переводчику Мирзе Абдурахману (о котором сам Б. В. Лунин говорит ниже, стр. 124); о этом уже сообщалось в печати³⁸.

Стр. 132, строки 13—12 снизу. Перечисляя рукописи, поступившие в 1876—1877 гг. в Публичную библиотеку (по описям В. Д. Смирнова), Б. В. Лунин упоминает «Тарихи-джиган-нюмаи» (имеется в виде географическое *хатима* к *Раузат ас-сафа*) и поясняет: «Тарих-и джахан наме» (! ср. выше, аналогичное «пояснение» на стр. 77).

Стр. 133, строки 12—11 снизу (в том же перечне): «...ряд сборников (среди них „Тарих-и Муким-хани“...)». Здесь Б. В. Лунин не понял указания В. Д. Смирнова, что «сочинение *Тарих-и Муким-хани* содержалось в одной из сборных рукописей (ср. сказанное выше о том, что Б. В. Лунин смешивает понятия «сочинение», «рукопись» и др.)

Стр. 134, строки 12 и сл. Приводя список рукописей, собранных Пантусовым в Коканде (по статье Пантусова), Б. В. Лунин упоминает «„Решхат“ — биографии туркестанских святых, писанные Алием, сыном Хусейна...» (т. е. *Рашахат 'айн ал-хайат*) и далее поясняет: «Речь идет об известном сочинении „Сад мучеников“ (*روضه الشهداء*) Хусейна б. Али ал-Ваиз ал-Кашифи» (!!).

Стр. 134, строка 5 снизу. «Одним из названий „Рахимовской летописи“» является либо «Тарих-и Сейид Рахим», либо «Тарих-и Рахими» но не «Тарих-и Сейид Рахими».

Стр. 132—135. Б. В. Лунин сперва приводит сведения о кауфманской коллекции рукописей, поступившей в Публичную библиотеку в 1876 г. и описанной В. Д. Смирновым в «Отчетах Имп. Публичной библиотеки» за 1876 и 1877 гг.³⁹, а затем — о рукописях, собранных Пантусовым в феврале 1876 г. в Коканде (по статье Пантусова и

³⁷ Любопытно примечание 389 (на стр. 335) к этому месту: «В нашей книге „Научные общества Туркестана“ (Ташкент, 1962, стр. 13) вследствие неудачных редакционных сокращений и перестановок текста (?) эти слова Энгельса неправильно приурочены к событиям 1873 г. Статья написана Энгельсом около 8 октября 1858 г.». Как видим, в новой книге все «исправлено».

³⁸ См. Ю. Э. Брегель, *Расселение туркмен в Хивинском ханстве (По документам архива хивинских ханов)*, — сб. «Страны и народы Востока», I, М., 1959, стр. 242—243

³⁹ На стр. 133 (строка 5) неверно указано, что вторая часть коллекции поступила в 1877 г.; в «Отчете Имп. Публичной библиотеки за 1877 г.», стр. 49—50, ясно сказано, что вся коллекция была подарена в 1876 г. и только описана в два приема.

«Туркестанских ведомостях»), не замечая, что рукописи, собранные Пантусовым, вошли в ту же кауфманскую коллекцию (по крайней мере отчасти) и что он дважды говорит об одних и тех же рукописях (ср. в особенности упомянутую выше «Тарихи-джиган-нюмаи» — стр. 132 и 135, «Тухфат ал-хани» — стр. 133, строка 25 и строка 1 снизу, «Тарихи Джигангири» (об этом см. также ниже) — стр. 133 и 135).

Стр. 135, строка 9 и сл. По той же статье Пантусова говорится о рукописи «„Тарихи-Джегангири“, писана „хан-Джеганом-Луди“...». Б. В. Лунин дает примечание (стр. 346, прим. 537), в котором сообщает, что «известны» два сочинения [очевидно, со сходными названиями] — *Джахангир-наме* и *Икбал-наме-и Джахангири* (со ссылкой на ташкентский и душанбинский каталоги). Однако в «Отчете Имп. Публичной библиотеки за 1877 г.» (стр. 68) о той же рукописи (переписана в 1178/1764 г.) говорится, что сочинение состоит из 7 отделов, и в 3-м отделе «вначале упоминается настоящее заглавие всего сочинения: *Мунтэхаби мирати-ль-афагинэ ки бэ тарихи Ханджигани мэвсум аст*». Таким образом, в действительности это — известное сочинение Ни'маталлаха б. Хабибаллаха ал-Харави *Тарих-и Хан-Джахани у Махзан-и афгани* (ср. С. А. Storey, *Persian literature*, vol. 1, section II, fasc. 2, London, 1936, p. 393).

Стр. 137, строки 9—10. Опять «Тарих-и джахан наме» (ср. стр. 77; здесь — другое сочинение) вместо «Тарих-и джахан-нума».

Стр. 154, строки 22 и сл. Сообщается о рукописи анонимной арабской истории халифов из бухарской коллекции В. Иванова (со ссылкой на статью В. И. Беляева, посвященную этой рукописи). На стр. 155, строки 12—11 снизу, говорится о рукописи «высокоценного труда по истории халифов автора V века хиджры» (со ссылкой на описание арабских рукописей бухарской коллекции, изданное В. И. Беляевым). Б. В. Лунин не заметил, что речь идет об одной и той же рукописи.

Стр. 156, строка 12. Автор *Аташкаде* — не Азури, а Азар (у Миклухо-Маклая, на которого ссылается Лунин, — Азур).

Стр. 165, строки 4—3 снизу. Сочинение 'Абдаллаха б. 'Али Насраллаха (не «Насраллаха») носит название *Зубдат ал-асар* (именно так у Бартольда, ЗВОРАО, т. XV, стр. 187); под названием *Тамм* (не «Таим», как у Б. В. Лунина) *ат-таварих* оно цитируется автором одного труда по истории Тимура (см. ЗВОРАО, т. XV, стр. 191). Правильное название приводит сам Б. В. Лунин на стр. 159 (со ссылкой на статью Молчанова), не указывающий, что в обоих случаях речь идет об одной и той же рукописи.

Стр. 166, строка 5 снизу. Известно одно историческое сочинение (а не «исторические сочинения») Махмуда б. Вали.

Стр. 174, строка 11 снизу и сл. Здесь Б. В. Лунин делает открытие, о коем он сообщает в следующих словах: «Важно отметить, в частности, оставшийся неизвестным исследователям жизни и творчества поэта-демократа Муками важный факт личной встречи с ним Самойловича, о чем свидетельствует следующее сообщение ученого: „В заметке М. Ф. Гаврилова „Сартовский поэт Муками“ („Туркестанские ведомости“, 1912, № 181) покойный поэт назван представителем „нового литературного течения в среднеазиатском литературном мире“. Но это недоразумение, как признал в беседе со мной и сам автор (курсив наш. — Б. Л.); Муками принадлежал к старой, традиционной школе среднеазиатских поэтов...“». Нетрудно увидеть из тех же слов Самойловича, на основании которых Б. В. Лунин делает свой

«важный вывод», что в них речь идет о беседе отнюдь не с Мукими, а с автором упомянутой перед этим заметки, т. е. М. Ф. Гавриловым. Б. В. Лунин мог бы также в этом убедиться, если бы он вспомнил, что Мукими умер в 1903 г., а Самойлович в первый раз был в Средней Азии в 1902 г., причем в Туркмении, где он с Мукими никак не мог встретиться. Между тем Б. В. Лунин в «Заключении» (стр. 303—304) еще раз упоминает об «общении» Мукими с Самойловичем как об одном из приведенных в книге «ярких фактов» (!) «плодотворного сотрудничества группы передовых представителей коренного местного населения с посещавшими Среднюю Азию русскими востоковедами».

Стр. 183, строки 3—2 снизу. «История Шейх Увейса» написана не «неизвестным автором», а Абу Бакром ал-Кутби ал-Ахари. См. С. А. Storey, *Persian literature*, vol. I, pt 2, London, 1953, p. 1233. Часть этого сочинения издана (доступную русскому читателю рецензию см. «Эпиграфика Востока», XI, 1956, стр. 97—100).

Стр. 198, строка 18. Имя Хафиз-и Аbru — не Нур ад-дин Лутфаллах б. Абдаллах, а Шихаб-ад-дин Абдаллах б. Лутфаллах, что установлено уже достаточно давно; см.: W. Barthold, *Hāfiz-i Abrū*, — «Enzyklopaedie des Islām», Bd II, S. 225; С. А. Storey, *Persian literature*, vol. I, section II, fasc. 1, London, 1935, p. 86.

Стр. 204, строка 5. Сделанный Вяткиным перевод сочинения Мухаммед-Салиха о Самаркандском вилайете назван «Легенда-очерк [!] „Самаркандский вилайет“». Такой своеобразный «жанр» появился у Б. В. Лунина потому, что перед этим в том же выпуске «Справочной книжки Самаркандской области» помещены «Самаркандские легенды» в переводе Вяткина, а заголовок к «Самаркандскому вилайету», не имеющему никакого отношения к легендам, набран тем же шрифтом, что и заголовки отдельных легенд. (Ср. также прим. 934 на стр. 367.)

Стр. 216, строки 20—21. Вряд ли удачно сказано о появлении в свет «нового, кембриджского... перевода труда Нершахи». Имеется в виду перевод Р. Н. Фрая, изданный Гарвардским университетом; последний, правда, находится в Кембридже, в штате Массачусетс (что и обозначено на титульном листе: Cambridge, Mass.), но под «кембриджскими» изданиями у нас всегда подразумеваются те, которые вышли в английском, а не в американском Кембридже, т. е., обычно, — издания Кембриджского университета.

Стр. 221, строки 13—15. «...Л. А. Зимин осуществил комментированное издание рукописи „Мират-ул-футух“ („Зерцало побед“) по копии ее, принадлежавшей А. А. Семенову». Ссылка (см. прим. 1027 на стр. 374) дана на статью Зимина в ПТКЛА, год XVII, стр. 31—38; никакого «комментированного издания» здесь нет, а есть только описание рукописи, принадлежавшей Семенову.

Стр. 231—232. Б. В. Лунин пишет о том, что опубликованный Н. И. Веселовским рассказ казаха Хали-бая о русском завоевании содержит «отдельные, весьма ценные для историка данные, помогающие лучше понять причины относительно легких успехов царского оружия в Туркестане». В подтверждение приводится, в частности, следующий рассказ: в Ташкенте в 1865 г., после смерти Алим-Кула, «толпа требовала, чтобы Ходжа Казий отправился в Бухару и сообщил эмиру „о положении многочисленных бедняков (курсив наш.—Б. Л.)“». Очевидно, Б. В. Лунин счел упоминание о «бедняках» свидетельством о социальном расслоении населения Ташкента. Но Веселовский здесь словом «бедняки» буквально перевел слово *фукара*, которое в это время

в Средней Азии означало просто «подданные», «народ» (или «простой народ»). Приведенные здесь слова Б. В. Лунина приходится признать недоразумением, которое только подтверждает то, что источники нужно изучать в подлиннике, а не по переводам (см. об этом выше, стр. 274).

Стр. 256 (в «Выводах»). Б. В. Лунин приходит к выводу, что «среди разысканных и приобретенных до революции восточных рукописей имелся обширный цикл [?] редких, а порой и редчайших, иногда даже уникальных экземпляров»; в числе таковых называется «Уложение Тимура»!

Далее говорится, что были «приобретены и сохранены для науки ценные списки... важнейших для истории народов Средней Азии рукописных источников первоклассной ценности [sic]»; среди них называются *Зафар-наме* Низам ад-дина Шами (списков которого, как известно, в России не было и сейчас в СССР нет), история Средней Азии 'Абд ал-Карима Бухари (известные рукописи которой находятся в Лондоне и Париже), *Чингиз-наме* Утемиша Дусти [! так, вместо правильного Утемиш-хаджи] (в сохранившейся части не представляющее ценности как исторический источник), *Тимур-наме* «Мирза Румуза» (Б. В. Лунин забыл, что на стр. 188 он сам сообщает, что В. А. Жуковский установил подлинное имя автора — 'Абд ар-Рахман Сират — и что тот же Жуковский отметил, что сочинение «лишено ценности в качестве исторического источника»).

На стр. 71, со ссылкой на Крачковского, сообщается, что Учебное отделение МИД выпустило серию каталогов своих рукописей; в прим. 193 на стр. 322 добавляется, что «позднее, в 1877 и 1897 г. вышли описания В. Р. Розена и В. Д. Смирнова». Между тем эти описания как раз входят в упоминаемую Крачковским серию каталогов.

На стр. 349 в прим. 594 говорится, что в статье Бартольда (ЗКВ, I, стр. 97—99) приводятся данные о 213 рукописях минтюбинского ишана; в действительности там сообщается о 194 рукописях (по списку Семенова; ср. сказанное об этом списке на стр. 164, строка 10).

На стр. 357, прим. 781, по поводу того, что хивинский историк Баяни, по словам Самойловича, знал русский язык (стр. 174), дана ссылка на «Изв. Академии наук», 1908, стр. 1301—1302. Ничего подобного в этом месте нет (эта неверная ссылка заимствована у М. Ю. Юлдашева); указанные сведения на самом деле содержатся в заметке Самойловича в ЗВОРАО, т. XIX, стр. 0203.

На стр. 358 в прим. 789 Самойловичу приписана ошибка, которой у него в действительности нет; Б. В. Лунин не понял описания рукописи, сделанного Самойловичем.

Стр. 363, прим. 870. «Из новейших изданий других сочинений Абд ар-Раззак[а] Самарканди...» — далее следует ссылка не на издание «других сочинений» Абд ар-Раззака (которые не сохранились), а на издание и з в л е ч е н и я из того же *Матла' ас-са'дайн*, о коем говорится на стр. 194.

Стр. 373, прим. 1019. «Заметим, что в числе остающихся неопубликованными работ А. А. Семенова имеется „История исмаилизма, Федаи Хорасанского...“». Эта работа опубликована (в серии «Памятники литературы народов Востока») еще в 1959 г.

Указанные выше ошибки и неточности далеко не исчерпывают всего того, что можно было бы отметить. «Большое же число неточностей, хотя бы даже и не особенно важных в отдельности, подрывает в конце

всякое убеждение в надежности автора, колеблет авторитетность его выводов и заставляет *компетентного* читателя на каждом шагу справляться с источниками, чтобы проверять автора, не говоря уже о пагубных последствиях, которые может иметь принятие выводов и показаний подобной книги лицами, которые по той или другой причине лишены возможности производить подобную проверку. Мы весьма далеки от мысли требовать совершенства и в этом отношении: человеку свойственно не только ошибаться в своих выводах и заключениях, но он и *не может* при лучшей воле и величайшем старании избежать *всех* неточностей и недосмотров... Мы требуем только известной меры, известного процентного отношения между подобными недостатками и достоинствами данного сочинения... Чем менее в данной книге новых мыслей, чем менее ее автор для ее составления мог пользоваться новыми материалами, чем компилятивнее, одним словом, ее характер, тем более нужно точности, аккуратности, детальной отделки, чтобы вообще оправдать появление ее на свет Божий». Хотелось бы, чтобы на эти слова В. Розена (в одной из его известных рецензий)⁴⁰ Б. В. Лунин обратил такое же внимание, как и на другие высказывания этого ученого, которого он сам охотно цитирует в своей книге.

Остается еще добавить, что в книге очень много опечаток, как это бывает, к сожалению, во многих книгах, выпускаемых ташкентским издательством «Наука» (естественно, что эта претензия уже не может быть обращена к автору). Особенно много грубейших опечаток в библиографических описаниях работ на западноевропейских языках (в примечаниях), что искажает их порой до неузнаваемости. Много опечаток и в восточном тексте (названия сочинений и имена авторов), который, таким образом, оказывается не только бесполезным, но и вообще не украшает книгу. Списка опечаток в книге нет.

* * *

Подводя итоги нашему обзору, можно заключить, что, хотя Б. В. Лунин проделал, несомненно, очень большую работу, собрал обширный материал и в своей книге сообщает порой интересные и малоизвестные факты, ему не удалось выполнить тех задач, которые перед ним стояли. Историографическая часть его книги отличается отсутствием ясного понимания предмета исследования и не дает представления о развитии рассматриваемой отрасли (или отраслей) науки; как справочное пособие книга обесценивается бессистемным расположением материала, отсутствием указателей и многочисленными фактическими ошибками.

Остается пожелать, чтобы продолжение труда Б. В. Лунина (несомненно полезного по своему замыслу) было более успешным и последующие тома были лишены отмеченных здесь недостатков.

Ю. Брегель

⁴⁰ ЗВОРАО, т. II, 1888, стр. 291—292.